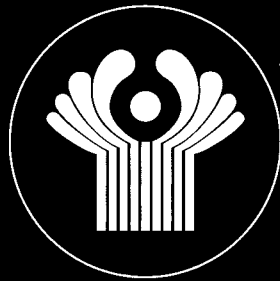

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Проблемы истории
стран СНГ

2015

Издание Международной Ассоциации
Институтов истории стран СНГ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Проблемы истории
стран СНГ

Основан в 2007 году
Выходит один раз в год

2015

Редакционная коллегия

А.О. Чубарьян (главный редактор)

Р.М. Абдуллаев, Х.М. Абжанов, В.В. Данилович,
А.Д. Джуманалиев, А.А. Коваленя, Г.Е. Кожокару, Р.М. Масов,
А.А.Мелконян, Р.В. Метревели, В.А. Смолий,
А.В. Шубин (ответственный секретарь)

Составители:

А.В. Шубин, М.С. Яковлев

МОСКВА 2015

ВИЛЬНЮССКИЙ ВОПРОС В МЕЖВОЕННОЕ ВРЕМЯ И НЕ ТОЛЬКО

Ч. Лауринавичюс

Заведующий Отделом истории XX века Института истории Литвы, доктор исторических наук

Аннотация: Для нового прочтения истории конфликта вокруг Вильнюса исходным моментом представляется программа действий Польши и Литвы, весной 1920 г. Польша тогда начинала поход на Киев с целью восстановить государственное объединение, построенное на основе униатских традиций; для этой цели влияние Москвы должно было быть удалено из Восточной Европы. А Литва тем временем в Москве начинала мирные переговоры с целью получить признание литовской национальной государственности. В противостоянии этих двух политических программ принадлежность Вильнюса Польше или Литве служила знаковым критерием того, какая программа возобладает. В статье рассматривается как генезис упомянутых двух программ, так и дальнейшее развитие конфликта с его последствиями.

Summary: At the starting point for the new reading of the history of the conflict over Vilnius, the programs of action of Poland and Lithuania, in the spring of 1920 presented. Poland then started a campaign to Kiev in order to restore the state association on the Commonwealth traditions; for this purpose the influence of Moscow had to be removed from the Eastern Europe. And Lithuania, meanwhile in Moscow began peace talks with the aim to gain recognition of the Lithuanian national statehood. The belonging of Vilnius to Poland either Lithuania served as a landmark measure which program will prevail. The article discusses the genesis of the two mentioned programs and the further development of the conflict with its consequences.

Ключевые слова: этнографический принцип, линия Керзона, конференция Спа, Московский договор, Рижский договор, нота Чичерина, национальная безопасность, имперское начало.

Keywords: the ethnographic principle, the Curzon line, the Spa conference, the Moscow Treaty, the Treaty of Riga, a note from Chicherin, national security, Imperial source.

Конфликт из-за Вильнюса освещался разное время историками разных стран¹. Однако сохраняется потребность нового прочтения известной темы. Не исключено так же, что переосмысление кризиса, мучившего Восточную

¹ Шубин Н. Париж–Варшава–Вильно. Москва, 1923; Lord R.H. Lithuania and Poland // Foreign Affairs, 1923. Vol. 1. No 4; Senn АЕ. The Great Powers, Lithuania and the Vilna Question 1920-1928. Leiden, E.J. Brill, 1966; Lossowski P. Stosunki Polsko-Litewskie w latach 1918–1920. Książka

Европу в прошлом веке, может оказаться полезным для понимания проблем того же региона в настоящее время.

* * *

Когда польский руководитель Юзеф Пилсудский весной 1920 г. начал военный поход на Киев, кроме прочего рассчитывал сломить сопротивление литовцев против восстановления унии между Польшей и Литвой. Дело в том, что с конца 1918 г. Польша в отношении Литвы успела использовать целый арсенал средств давления. Началось с дипломатического заманивания в антисоветский фронт с целью подчинить Литву; далее была оккупация г. Вильнюса весной 1919 г. с продвижением в глубь литовской территории; далее – подготовка в Литве государственного переворота летом 1919 г., наконец, попытки геополитического «окружения» Литвы осенью 1919 г., используя для этого договоры с Латвией и Эстонией. Но Литве каждый раз удавалось ускользнуть от польской хватки. Этому некоторым образом способствовала позиция Германии, не желавшей усиления Польши.

Интересно, что западные страны в то время тоже скептически рассматривали способность Польши играть роль великой державы на Востоке Европы. 8 декабря 1919 г. Антанта определила восточную границу Польши, которая по существу отделила этнографическую Польшу от бывшей Российской империи (или от территорий бывшего Великого Княжества Литовского со столицей Вильнюсом). А тем временем молодое литовское национальное государство, которое своей столицей тоже считало Вильнюс, уже налаживало связь с Советской Россией для намечаемого межгосударственного договора.

Для Пилсудского все это означало, что пришло время идти ва-банк, что Польша сможет стать главной силой на востоке только в том случае, если оторвет Украину от влияния Москвы. А тогда, по всей вероятности, и литовцы капитулируют.

Но почти в то же самое время, когда польские войска двинулись в направлении Киева, из Каунаса в направлении Москвы двинулся поезд, в котором находилась литовская делегация для мирных переговоров с Советской Россией. Вряд ли следует доказывать, что Литва не осмелилась бы на такой шаг, не имея авторитетных покровителей, главным образом в Лондоне². Следовательно, в контексте событий 1920 года можно увидеть своеобразное столкновение двух тенденций: с одной стороны, тенденции к имперским устремлениям, а с другой – тенденции к мирному договору, предполагающему национальное самоопределение.

i Wiedza, Warszawa, 1966; Wandysz P.S. Soviet-Polish Relations, 1917–1921. Cambridge, 1969; Žepkaitė R. Diplomatiija imperializmo tarnyboje. Lietuvos-Lenkijos santykiai 1919–1939. (Дипломатия на службе империализму. Литовско-польские отношения 1919–1939). Vilnius, Mokslas, 1980; Pagel J. “Der polnisch-litauische Streit um Wilna und die Haltung der Sowjetunion 1918–1938”, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Bd. 40, 1992, H. 1.; Laurinavičius Č. Die Litauisch-polnischen Beziehungen 1919–1945. Die Wilna frage. Deutschland und Litauen. Bestandsaufnahmen und Aufgaben der historischen Forschung. Lüneburg, 1995. P. 101–105.

² Следует напомнить, что в связи с развалом Российской империи с конца 1917 г. Восточная Прибалтика находилась в попечительстве Великобритании, а Польша – Франции. Принадлежность Литвы к Прибалтийскому региону определялась не сразу, только со второй половины 1919 г.

* * *

Тут сделаем экскурс в более раннюю историю для разъяснения генезиса и содержания, упомянутых двух тенденций, дабы попытаться отклонить их возможную оценку как нечто инцидентное или случайное. Генезис литовско-польского конфликта в большой мере был обусловлен началом формирования современных народов поляков и литовцев. Это формирование началось не одновременно и в неравных исходных позициях. Ввиду многовекового существования польско-литовской унии литовская элита в основном полонизировалась и к началу двадцатого века уже составляла часть польской нации. А начавшие себя осознавать, как народ, литовцы в основном являлись крестьянами, причем тоже подвергавшимися ассимиляции, опять же – главным образом ополячиванию. Знаковой спецификой ареала этнографической Литвы являлось то обстоятельство, что в городах литовцы обычно не превышали и четверти жителей. А в Вильнюсе, по сведениям переписи 1897 г., литовцев было только около 2%, (евреев – более 40%, русских – около 20%, белорусов – около 4%). Поляки составляли 30%, но в культурном отношении именно они доминировали.

Когда литовцы стали вспоминать о своей былой суверенной государственности (времен XIII–XV веков) с ее столицей Вильнюсом, это уже предполагало конфликт с поляками, составлявшими определяющее большинство жителей Вильнюса и прилегающего к нему края. Но главной причиной конфликта между литовцами и поляками стала разница в геополитической ориентации этих народов. Поляки в своем большинстве продолжали мечтать о восстановлении исторической Речи Посполиты, и распространение польской традиции на восточных крессах ими рассматривалось как главная гарантия противостояния российскому и германскому давлению. А литовцы, напротив, как раз в некоторой опоре на российский и германский факторы усматривали возможность противостоять полонизации и способствовать сохранению уникальной литовской этничности.

Тут нужно пояснить, что ориентация литовцев на российский и германский факторы отнюдь не означала полной лояльности по отношению к России или Германии или игнорирования угроз, исходящих от них. Главной предпосылкой для такой ориентации являлось то обстоятельство, что и Россия, и Германия в той или иной мере признавали этнографический принцип, на основе которого определялась территория народа, как необходимая предпосылка для политической автономии. Для литовцев этнографический принцип стал настоящим оружием против ассимиляции. А польская политическая мысль старалась этот принцип игнорировать и по возможности компрометировать, подменяя его проявлением самоопределения де факто.

Надо признать, что в литовском случае соотношение между двумя величинами национального характера – этнографической территории и демократическим самоопределением – было проблемным. Дело в том, что в этнографически очерченной Литве, в силу упомянутой социальной неразвитости литовского народа, наверное, только половина из там проживающих осознали бы себя литовцами, а согласившихся принять литовское гражданство – было

бы и того меньше. Литовская политическая мысль, понимая сложность ситуации, все же уповала на то, что при исчезновении факторов, способствующих ассимиляции, начнется реассимиляция, т.е. возврат этнографических литовцев к своей национальной идентичности. Во всяком случае, в литовских национальных программах нельзя найти призывов к какому-либо искоренению других народов, проживающих в этнографической Литве³.

Ориентация на этнографическую Литву обуславливалась и другими аргументами. Логически мыслилось так, что отказ литовцев от традиций унии и переориентация их на этнографически обусловленном самоопределении снимет главную причину вековой имперской вражды с Россией. Следовательно, это должно было способствовать снятию репрессивных мер в отношении литовцев со стороны российских властей. А поскольку в политике России наблюдалась склонность признавать этнографический принцип (на примерах Финляндии или Болгарии), то почему бы это не могло бы произойти и в отношении литовцев (Великого Княжества Литовского). В контексте же продолжающегося польско-российского конфликта автономная Литва становилась бы неким нейтрализующим фактором в регионе, и эта ее внешняя функция так же способствовала бы скреплению внутренней стабильности.

Как бы то ни было, но следы представленных умозаключений можно разглядеть уже в нелегальном литовском национальном издании «Аушра» (Заря) и в трудах главного инициатора этого издания Ионаса Басанавичюса⁴. А наружу они вышли в период революции 1905 г.⁵ Эти умозаключения не были пустой спекуляцией. Забегая вперед следует заметить, что прогнозируемый процесс реассимиляции действительно имел место, особенно после появления литовской государственности. Только он по разным причинам не достиг такого уровня, при котором трения с другими народами в национальной Литве перестали бы угрожать государственной стабильности. Также имели место предпосылки для существования Литвы, как нейтрального государства в регионе. Однако эти предпосылки оказались так же недостаточными как в силу внутренних, так и внешних причин.

С началом Первой мировой войны противостояние между литовцами и поляками только усиливалось. В этой войне, как известно, все империи в своих стратегических целях пытались использовать национальный фактор. Для России, например, самым актуальным был польский вопрос, поскольку

приходилось считаться с перспективой восстановления польской государственности. Но если такая государственность была неизбежной, то в недрах российской власти она планировалась сдвинутой как можно далее на запад, за счет территорий, принадлежавших Германии. Показательно, что такие планы получали одобрение у западных союзников России⁶.

В русле такой геополитики старались действовать и литовские политики⁷. Их устраивало то обстоятельство, что в российских очерчениях будущей Польши, как правило, отсутствовали Сувалкская губерния, до этого принадлежавшая к числу польских губерний, а также северная часть Восточной Пруссии с г. Мемель (будущей Клайпедой), которую планировалось присоединить к России. В русском понимании упомянутые территории считались литовскими. Нет полной ясности, когда и как в русской политической мысли к литовскому этнографическому ареалу стал привязываться и Вильнюсский край. Обычно он считался западнорусским, но подверженным польскому влиянию. Конечно, русские власти не могли не обратить внимания, что возрождающееся литовское движение причисляет Вильнюсский край к литовской территории. Но это обстоятельство в российской политике стало открыто использоваться только при советской власти, когда уже был известен прецедент германской политики в регионе.

Когда в 1915 г. вся литовская территория оказалась под оккупацией немцев, то, несмотря на жесткости оккупационного режима, литовские политики усматривали в нем стратегическую выгоду – в первую очередь в том, что немцы административно объединили большую часть литовской этнографической территории, включая и Вильнюс. А в 1917 г., когда вследствие революции в России, с одной стороны, и вступления в войну Соединенных Штатов Америки, с другой, в мировой политике чрезвычайно возросло значение национального фактора, немцы стали допускать литовцев к политической деятельности. Немцы, очевидно, рассчитывали, что этнографическая Литва с Вильнюсом послужит им, во-первых, средством давления на Польшу, а во-вторых, удобным и легко контролируемым подступом к России. Однако получившие возможность действовать литовцы стали искать контактов с западными странами, и немцам контролировать их деятельность удавалось все труднее.

Конец войны создал новую ситуацию. После развала Российской и Германской империй в Восточной Европе стремительно стало возрастать влияние восстановленной Польши, руководство которой решило перехватить имперскую парадигму. Для молодого литовского суверенитета это означало принципиальную угрозу, тем более, что поляки тогда уже имели особое желание свести с литовцами счет «за предательство» традиций унии. Польская

⁶ Русско-польские отношения в период мировой войны. М.-Л., 1926; Russian Diplomacy and Eastern Europe 1914–1917. New York, 1963; Сергеев Е.Ю. Геополитические представления военной элиты России накануне Первой мировой войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2005/2006. Москва, 2006. С. 332–347.

⁷ Lopata R. Lietuvos valstybingumo raida (Эволюция литовской государственности) 1914–1918 m. // Lietuvos atgimimo istorijos studijos. T. 9. Vilnius, Mintis, 1996.

³ Miknys R. “Varpas” ir Lietuvos Demokratų partija («Колокол» и Литовская демократическая партия) // Lituanistica. 1991 Nr.1 (5). P. 12–23; Он же: Lietuvos Demokratų partija 1902–1915 // Lietuvos atgimimo istorijos studijos. (Великий Вильнюсский сейм. Студии истории литовского возрождения). Т. 10. Vilnius, A. Varno personalinė įmonė, 1995; Žaltauskaitė V. Catholicism and Nationalism in the Views of the Younger Generation of Lithuanian Clergy in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Lithuanian Historical Studies, 2000. Vol. 5. P. 113–130.

⁴ Sapalius J. [Basanavičius J.] Priedėlis prie “lietuviszko klausimo” (Добавление к литовскому вопросу) // Apszieta, 1892. Nr. 1.

⁵ Motieka E. Didysis Vilniaus seimas // Lietuvos atgimimo istorijos studijos (Великий Вильнюсский сейм. Студии истории литовского возрождения). Т. 11. Vilnius, Saulabrolis, 1996.

пропаганда наклеила на литовскую политику ярлык «немецко-большевистской» агентуры, и для бренда Литвы это имело негативные последствия. Но все же литовцы не остались в безвыходном положении.

Своеобразную роль в первой половине 1919 г. сыграл советский фактор. В начале 1919 г. большую часть Литвы заняла Красная армия, и в отношении уже существовавшего Литовского национального государства это означало агрессию со стороны РСФСР. Правда, эта агрессия прикрывалась признанием задним числом (22 декабря 1918 г.) Литовской Советской Республикой, которая претендовала на ту же самую территорию, что и национальное Литовское государство, со столицей г. Вильнюс. В феврале 1919 г. в соответствии со стратегическим расчетом Москвы произошло слияние этой республики с частью белорусских земель и оформление Литовско-Белорусской Советской Республики (Литбел). Однако слияние существенно не повлияло на одну особенность внутренней политики этой республики, а именно, на возможность развивать литовскую этническую культуру на ее территории, включая и саму столицу Вильнюс. Поэтому, хотя формально между национальным Литовским государством и советской государственностью установилось военное противостояние, фактически между этими формами обозначился некий общий интерес – содействие литвинизации края⁸. Однако, история Литбела была короткой, поскольку к середине 1919 г. по инициативе Антанты Красная армия была вытолкнута из Литвы. Но г. Вильнюс оказался в руках Польши, что никак не могло удовлетворить национальное литовское государство.

Итак, мы опять подходим к 1920 году, своеобразной точке отчета, чтобы проследить далее – насколько оправдались (или не оправдались) тенденции к национальному самоопределению, преодолению имперских начал и установлению основ для мира.

* * *

На мирных переговорах в Москве для литовской делегации главная задача заключалась в том, чтобы получить от наследников Российской империи признание независимости Литвы с г. Вильнюс. Руководство РСФСР официально декларировало, что в принципе согласно признать Литву в ее этнографических границах. Но неофициально советская делегация пояснила, что такое признание хотело бы связать с заключением военного союза между Россией и Литвой против Польши. Литовское правительство не могло решиться на такой союз, поскольку он в той конкретной ситуации способствовал бы распространению советского строя за пределами Советской России. Между тем Красная армия перешла в наступление, и советская сторона теряла интерес к договору с Литвой, планируя ее – как впрочем, и Польшу – просто напросто советизировать⁹.

⁸ Laurinavičius Č. On Political Terror during the Soviet Expansion into Lithuania, 1918–1919 // JBS. 2015 March. Volume 46. Issue 1. P. 65–77.

⁹ Ленинский сборник. Москва, 1944. Т. 38. P. 320; The Unknown Lenin. From the Secret Archive. Ed. R. Pipes. New Haven, 1996. P. 85–88.

В тот момент страны Антанты выступили с инициативой посредничества. На конференции, проходившей в бельгийском местечке Спа, 9 июля был принят план, предложенный британским премьером Давидом Ллойд Джорджем, по которому польская армия должна была быть отодвинута на запад от линии 8 декабря 1919 г., а Красная армия соответственно остановиться, не доходя до упомянутой линии на расстоянии 50 км. На таком же расстоянии красноармейцы должны были остановиться до железной дороги Гродно–Вильнюс–Двинск¹⁰. По требованию Ллойд Джорджа Польша должна была передать г. Вильнюс Литве, и этот аспект был ключевым для возможного компромисса. Дело в том, что поскольку советская сторона уже до этого делала публичные заявления о готовности признать Вильнюс за Литвой, следовательно, предполагал британский премьер, при передаче этого города литовцам Советы потеряли бы мотив продолжать наступление. Тем более что разграничение России с Польшей по линии 8 декабря 1919 г. в принципе соответствовало до этого обнародованным пожеланиям основных русских сил – как белых, так и красных. При принятии главными воюющими сторонами упомянутых условий Великобритания соглашалась организовать в Лондоне конференцию, где были бы согласованы условия для мира в Восточной Европе. И на эту конференцию должна была быть приглашена и Литва для согласования режима в Вильнюсском крае, по которому права польского населения были бы обеспечены.

Однако 12 июля в Москве был подписан литовско-советский договор¹¹. По этому договору Литва признавалась независимым национальным государством¹². Планировалось установление ее международного нейтрального статуса. 2 статья договора обозначала линию разграничения между Литвой и Россией. Она велась таким образом, что в составе Литвы оказались не только г. Вильнюс, но и более широкие районы с городами Гродно, Лида, Молодечно, а так же территория всей бывшей Сувалкской губернии с г. Августов. Однако линия остановилась у местечка Штабин на границе Сувалкской губернии, и таким образом осталась брешь со стороны Польши. В примечании к статье 2 говорилось, что граница с Польшей будет установлена в договоре с этой страной. Но не было указано, какие именно территории признавались литовскими. Это означало, что теоре-

¹⁰ Так решения в Спа излагались в ноте британского министра иностранных дел Керзона от 9 июля 1920 г. советскому правительству. (Документы внешней политики СССР. Москва, 1959. Т. 3. С. 54). Но в истории утвердился стереотип отождествления линии Керзона с линией 8 декабря 1919 г., что не точно в отношении Вильнюсского региона.

¹¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 28–42.

¹² По Московскому договору очерченная литовская восточная граница по существу соответствовала научным этнографическим исследованиям, проводившимся уже после Второй мировой войны. См.: Ochmanski J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemennej do XVI w. Warszawa, 1981; Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wilenszczyźnie // Studia nad polszczyzną kresową. Т. 1. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1982; Гаучас П. К вопросу о восточных и южных границах литовской этнической территории в средневековье // Балто-славянские исследования 1986. АН СССР. Москва, 1988. С. 195–213.

тически Польша могла оспорить все те территории, которые Советская Россия как бы признала за Литвой. Не ясно, было ли все это заранее предусмотрено советскими дипломатами или так получилось по логике вещей.

Важно также заметить, что в договоре не было указано, каким образом Литва должна была управлять признанными за ней территориями. Это обстоятельство, думается, сыграло свою роль в том, что литовская сторона решилась подписать Московский договор, который оказался в серьезном противоречии с решением в Спа.

Противоречие между решением в Спа и Московским договором проявлялось не только по вопросу внутреннего управления Литвой. В приложении к Московскому договору говорилось о согласии Литвы на то, чтобы Красная армия для необходимости борьбы с Польшей временно заняла некоторые литовские территории. Это согласие Литвы стало поводом для Красной армии перешагнуть указанную британцами линию разграничения, а советскому правительству – отвергнуть идею коллективного решения конфликта¹³. Таким образом, план Ллойд Джорджа не осуществился, а Литва оказалась в полной зависимости от Советской России. Однако своеобразная корреляция воздействий Москвы и Лондона в отношении г. Вильнюса и Литвы продолжалась.

14 июля Красная армия заняла г. Вильнюс, там сразу же был установлен советский ревком, который открыто начал готовить советизацию Литвы. Такое поведение советской стороны вызвало сильное беспокойство в Литве, что не осталось незамеченным и в других странах. В конце июля в Латвии даже началась конференция Балтийских стран и Польши по поводу возможного взаимодействия против советской агрессии¹⁴. В Москве тоже забеспокоились по поводу компрометации ее внешнеполитического образа¹⁵. Поэтому начались новые литовско-советские переговоры, вследствие которых 8 августа был достигнут компромисс: Литва обязалась в спешном порядке ратифицировать договор от 12 июля, что служило доказательством намерения Литвы не вступать в антисоветский союз. А советская сторона обязалась поэтапно эвакуировать занятую литовскую территорию, и эта эвакуация незамедлительно началась. 28 августа литовцы переняли управление Вильнюсом. Однако красноармейцы продолжали контролировать район Гродно – Лида – Молодечно.

Тем временем польские войска перешли в контрнаступление, что позволило Польше возобновить давление на Литву. Польша не признавала за Литвой правомочности владения Вильнюсом и другими территориями, полученными по Московскому договору. С начала сентября в районе южной Су-

валкии, западнее Гродно, начались литовско-польские военные столкновения. Литовская сторона свои действия объясняла борьбой за исконно литовские земли, однако литовское продвижение к линии Августов–Штабин фактически прикрывало расположение красноармейцев в районе Гродно.

Действия Литвы становились весьма противоречивыми. С одной стороны, Советская Россия не раз предлагала Литве заключить военный договор, однако Литва не соглашалась. Но когда с советской стороны поступил запрос – сможет ли Литва обеспечить нерушимость своей территории, если Красная армия незамедлительно эвакуирует район Гродно–Лида–Молодечно, то со стороны Литвы ответа вообще не последовало¹⁶.

Интересно, что литовские попытки сдерживать продвижение поляков в Сувалки одобрялись не только советской стороной, но и британцами. В начале сентября возобновились переговоры о созыве конференции в Лондоне, где присутствовала бы и делегация РСФСР. Между прочим, в советских дипломатических кругах возможность нейтрализованной Литвы рассматривалась как полезная для РСФСР. Однако такому повороту событий помешала польская дипломатия. По просьбе польского министра иностранных дел Естафия Сапеги литовско-польским конфликтом занялась Лига Наций (где, конечно, Советской России не было). Тем не менее, 20 сентября Совет Лиги принял постановление, суть которого сводилась к желательности нейтрализации Литвы: Польша обязана была соблюдать нейтралитет Литвы постольку, поскольку его соблюдала бы советская сторона¹⁷. Однако такая перспектива опять не удовлетворяла Польшу. Не прошло и двух дней от объявления упомянутого решения, как польские войска начали наступление в направлении района Гродно–Лида, нарушая фактический суверенитет Литвы и нанеся ощутимый урон литовским войскам. В итоге возможности реализовать решение Совета Лиги от 20 сентября сильно осложнилось.

Тем временем стала проясняться картина, как г. Вильнюс управлялся литовцами. Там был введен жесткий националистический режим, вследствие которого для большей части местных жителей замаячила перспектива лишиться не только работы, но и других гражданских прав. Это обстоятельство не осталось незамеченным в Европе, в том числе и Великобритании, и оно, несомненно, повлияло на дальнейший ход событий.

29 сентября в г. Сувалки начались литовско-польские переговоры для установления между войсками демаркационной линии. За переговорами следовали представители Лиги Наций. 7 октября было подписано соглашение, по которому демаркационная линия на левой стороне р. Немана устанавливалась в соответствии линией 8 декабря 1919 г. (или т. н. линией Фоша, установлен-

¹³ Формальным поводом для советской стороны отвергнуть ноту Керзона от 9 июля 1920 г. явилось условие о перемирии с Врангелем (*Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 51. Москва, 1978. С. 237–238.*)

¹⁴ Baltijos valstybių vienybės idėja ir praktika 1918-1940 metais. Dokumentų rinkinys. (Единство Балтийских стран: идея и практика. Сб. документов). Sud. Z. Butkus. Vilnius, LII, 2008. P. 174–195, 178, 188.

¹⁵ Планы советизации Литвы были отложены «на время» (Шифровка Иоффе–Ленину, Троцкому, Чичерину от 3 августа 1920г. // АВП. Ф. 04. Оп. 27. Пор. 205. Д. 180а. Л. 5.).

¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т.3. С. 165; *Laurinavičius Č. Probleminiai Lietuvos ir Lenkijos santykių 1920 m aspektai // Suvalkų sutartis: faktai ir interpretacijos. (Проблемные аспекты в литовско-польских отношениях в 1920 г. // Сувалкский договор: факты и интерпретации). Vilnius, 2012. P. 41–71.*

¹⁷ Documents diplomatiques. Conflit polono-lituanien. Question de Vilna 1918–1924 (Conflit polono-lituanien). Kaunas, 1924. Dok. Nr.40. С. 72–74.

ной еще 26 июля 1919 г.). А на правой стороне р. Немана демаркационная линия шла в сторону станции Бастуны, находящейся на железной дороге Лида-Вильнюс, но не доходила до нее. На таком решении настаивала польская сторона, утверждавшая, что севернее Бастуны находятся красноармейцы. Однако была очевидна заинтересованность польской стороны в свободном проезде по линии Лида-Бастуны-Вильнюс. Кстати, позднее, когда Вильнюс уже был захвачен войсками генерала Желиговского, со стороны польского правительства как ни в чем не бывало последовало предложение литовскому правительству продвинуть демаркационную линию от Бастуны далее на восток. К тому же во время переговоров польские войска захватили железнодорожную станцию Варена, что стало препятствием для литовских войск, чтобы выйти из района Сувалкии в сторону Вильнюса для его защиты¹⁸.

Определяющее решение для последующих событий было достигнуто 5 октября в Риге, где проходили советско-польские мирные переговоры. На этих переговорах польская сторона отказывалась от претензий на Украину, но требовала, чтобы советская сторона соответственно отказалась от Московского договора с Литвой. Советская сторона не хотела соглашаться с таким предложением, тем более, что Московский договор уже был ратифицирован. Тогда польская сторона предложила решение вопроса, сводящееся не к юридической, а к геополитической сути. По этому предложению разграничительная линия между Польшей и Россией должна была проходить восточнее линии Московского договора. Это означало, что Литва теряла территориальное соприкосновение с Россией и практически оказывалась в сфере польского влияния¹⁹. Соответствующая статья договора гласила, что «решение о принадлежности спорных территорий между Литвой и Польшей принадлежит исключительно Литве и Польше». Кстати, смысл этой формулировки может подсказать аналогичное требование Австрии по отношению к Сербии в период июльского кризиса 1914 г.; Россия тогда с таким требованием не согласилась, и началась Первая мировая война.

Когда информация о договоренности в Риге дошла до Каунаса, там реакция была однозначной: «русские нас предали». Позднее руководитель советской делегации на рижских переговорах Адольф Иоффе в разговоре с литовским дипломатом откровенничал. Дескать, после полученного польского предложения Москва запросила Лондон – правда, неофициально – как там отнеслись бы к такому решению, чтобы Россия и Литва теряли территориальное соприкосновение. Но из Лондона ответа не последовало, и советская сторона решила принять польское предложение²⁰.

¹⁸ Łossowski P. Stosunki Polsko-Litewskie w latach 1918–1920. С. 311.

¹⁹ Интересно, что по мнению главкома РСФСР, Литва как раз в состоянии оторванности от России, становилась бы «нейтральной» (Телеграмма главкома от 1 октября 1920 г. Чичерину // АВП. Ф. 04. Оп. 27. Д. 204. Л. 8.).

²⁰ Сообщение литовского представителя в Риге Доваса Зауноса от 4 ноября 1920 г. о разговоре с А. Иоффе // Центральный Государственный архив Литвы (ЦГАЛ). Ф. 383, Оп. 7. Д. 72. Л. 47–48.

Как бы там ни было, после Рижского решения от 5 октября польская военная группировка (около 15 тыс. человек), руководимая генералом Люцианом Желиговским, могла в полной безопасности со стороны Советской России двинуться в сторону Вильнюса и 9 октября занять этот город, не встретив серьезного литовского сопротивления. Желиговский объявил себя восставшим «историческим литовцем», не связанным с польской армией и не согласным с тем, что древняя литовская столица остается за «пособниками немцев и большевиков». Обосновавшись в Вильнюсе, Желиговский учредил новое государство – Среднюю Литву, от имени которой предложил «Ковенской Литве» (т.е. западной части Литвы со столицей в Каунасе) мирные переговоры. Литовское правительство, оправившись от первого шока, решило считать Среднюю Литву незаконным образованием. Ответственность за действия Желиговского должна была нести Польша. Предложения Желиговского Литва отклонила²¹. Тогда Желиговский со своей армией двинулись в сторону Каунаса, но был остановлен литовскими войсками. По инициативе Лиги Наций между литовскими и польскими войсками была установлена нейтральная полоса.

В Литве до сих пор бытует мнение о том, что если бы не вмешательство Лиги Наций, то литовская армия (подоспевшая из Сувалкии, откуда солдатам пришлось добираться пешком) могла освободить Вильнюс; дескать, литовская армия превосходила группировку Желиговского по численности и морально (к концу 1920 г. численность литовской армии доросла до 50 тысяч). Но в таком видении не учитывается то обстоятельство, что для прикрытия группировки Желиговского по приказу самого Пилсудского были посланы две польские армии общей численностью около 100 тыс. солдат.

В Европе же в первые дни после известий о занятии польскими войсками Вильнюса преобладали жесткие демарши в отношении Польши. В самовольность Желиговского там мало кто верил. Но по мере того, как стало проявляться, что на самом деле произошло вокруг Вильнюса, жесткость сменялась циничной умеренностью. 28 октября Совет Лиги Наций констатировал, что обстоятельства вокруг Вильнюса «полностью изменились», и что спор между Литвой и Польшей следует решить с помощью плебисцита. Такое решение означало, что Желиговский со своей Средней Литвой, как третий независимый фактор, исключался. Войска Желиговского должны были быть удалены со спорной территории, а обеспечить проведение плебисцита должны были специально выделенные для этой цели войска стран Лиги Наций.

Литовские представители, очутившись в ситуации форс-мажора, дали формальное согласие на такое решение. Но вскоре пришло осознание, что практически нет шансов выиграть плебисцит. Поэтому в недрах литовской политики начался поиск предлогов отказаться от плебисцита. Одной из попыток в этом направлении служило мнение, что определяемая территория, где должен

²¹ На решительность литовцев сопротивляться, возможно, повлияли 3 млн. рублей золотом, 16 октября доставленные в Каунас из РСФСР в спешном порядке (по договору от 12 июля 1920 г. такая выплата должна была произойти гораздо позже).

проходить плебисцит, не должна охватывать г. Вильнюс; дескать, сама Польша, определяя демаркационную линию по Сувалкскому договору, признала Вильнюс, находящимся на литовской стороне. Была также попытка утверждать, что сама Лига своим решением от 20 сентября признала Вильнюс за Литвой.

Только через некоторое время в арсенале литовской дипломатии обнаружился более весомый аргумент, связанный с советским фактором. После Рижского договора в политических кругах появилось мнение, будто бы Московский договор между Литвой и Советской Россией потерял свое значение, поскольку советцы признали Вильнюс за Польшей. Такое мнение особенно радовала польскую сторону, тем более что с российской стороны в ответ ничего определенного слышно не было. Однако к концу 1920 г. советская позиция постепенно стала приобретать новый облик. 26 ноября посол РСФСР в Каунасе Александр Аксельрод вручил литовскому правительству ноту, где утверждалось, что Рижский договор не аннулировал Московского договора. По Рижскому договору за Польшей была признана «не та самая территория», которая по Московскому договору признавалась за Литвой. И наконец – что Советская Россия «не отказывается от своих обязательств» по Московскому договору. Интересно, что Польша сразу же реагировала, запросив Москву – не означает ли советское утверждение о продолжении действия Московского договора, что Москва отказывается от Рижского договора. И последовал невозмутимый ответ, что советская сторона намерена строго соблюдать Рижский договор²².

Большую ясность по вопросу намеченного плебисцита внес сам глава Комиссариата иностранных дел Георгий Чичерин. В его ноте литовскому правительству от 30 января 1921 г., во-первых, разъяснялся вопрос по поводу прав на Вильнюс: «Пока вопрос о принадлежности означенных территорий не разрешен путем договора между Литвой и Польшей в пользу последней, суверенная власть в г. Вильно и его районе принадлежит Литве, которой она была передана в силу Русско-Литовского договора». А далее в ноте напоминалось об обязанности Литвы (по 4 статье Московского договора) не допустить присутствие на своей территории вражеских по отношению к Советской России сил. Поскольку Лига Наций являлась такой силой, то обязанность Литвы – не допустить «появления в Вильно отрядов» Лиги Наций²³.

Цинизм ноты заключался в том, что сама Литва представлялась ответственной за то, что происходило в Вильнюсском крае. Но парадокс в том, что подобную ноту от советской стороны запрашивало само литовское правительство. И, думается, именно нота Чичерина послужила для литовской дипломатии тем аргументом, с помощью которого удалось убедить руководителей Лиги отказаться от намечаемого плебисцита. Ведь воевать с Россией в Европе не хотелось. В начале весны 1921 г. Совет Лиги принял новое реше-

²² Нота А. Аксельрода от 26 ноября 1920 г. министру иностранных дел Литвы Ю. Пурицкису; Копия телеграммы, посланной А. Иоффе премьер министру Польши 16 декабря 1920 г. // ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 81. Л. 17; д. 119. л. 32.

²³ Документы внешней политики СССР. Т.3. С. 496–497.

ние, по которому Литва и Польша должны были начать между собой переговоры. Председателем этих переговоров был назначен министр иностранных дел Бельгии Паул Гиманс.

Лига занялась решением литовско-польского конфликта весьма серьезно. Ведь этот конфликт потенциально представлял угрозу для всей Европы. Следовательно, на карту был поставлен и будущий авторитет Лиги. Однако принцип, на котором строилась вся стратегия примирения сторон, оказался по существу порочным. Похоже, что Гиманс и его команда руководствовались изначальным предположением, что для литовцев Вильнюс – это только своеобразный символ государственности, и, следовательно, создав видимость принадлежности этого символа Литве, удастся умиротворить литовцев, невзирая на отсутствие реальной суверенности. Ведь Литва к тому времени все еще не имела признания де-юре от стран Антанты, и, следовательно, не являлась членом Лиги Наций.

Гиманс, вскоре убедившись, что непосредственные переговоры между литовцами и поляками бесполезны, начал предлагать проекты, суть которых сводилась к следующему: Вильнюс номинально возвращался Литве как ее столица, но сама Литва, как государство, разделялась на отдельные кантоны (по аналогии со Швейцарией), и к тому же Литва привязывалась посредством разных договоров к Польше, в первую очередь, в военном отношении. Интересно, что изначально к проектам Гиманса отрицательно относилась не только Литва, но и Польша. Польских националистов пугало само номинальное возвращение Вильнюса Литве. Поэтому в руководстве Лиги (главным образом в делегации Великобритании) созрела тактика: делать некоторые уступки Литве (внедряя элементы централизации в литовскую государственность) с расчетом на то, что Литва проект примет. После этого проект должна была принять и вся Ассамблея Лиги. А тогда появлялась вероятность, что Польша, оставшись в одиночестве (и вдобавок – с нерешенной проблемой Силезии), тоже капитулирует.

Кульминации процесс достиг осенью 1921 г., когда Литва не вполне в правовом порядке была принята в Лигу. Это было сделано после того, как литовская делегация неофициально дало согласие на принятие проекта. Казалось, тактика Гиманса и британцев срабатывает. Однако против перспективы терять суверенитет восстало большинство литовской общественности. Страна очутилась на грани гражданской войны. Но выйти из процесса «умиротворения» было непросто. Некоторое подспорье оказывала Советская Россия. Например, в ноте Чичерина от 15 сентября 1921 г. литовскому правительству – по просьбе самого же литовского правительства – напоминалось, «насколько важным и даже существенно необходимым является в глазах Российского правительства сохранение ни чем не умаленной независимости Литовского государства». Чичерин предостерегал, что «Российское правительство не останется равнодушным», если переговоры с Польшей приведут к умалению независимости Литвы²⁴. Однако, думается, главным мотивом, подтолкнувшим литовскую ди-

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 4. Москва, 1960. С. 338–339.

пломатию отказаться от проекта Гиманса, стало известие, появившееся в конце 1921 г., что намечается новая европейская конференция, на которой должна была присутствовать и советская делегация. Собрание всех великих держав для Литвы означало возможность повторения тандема Лондон–Москва, имевшего место летом 1920 г.²⁵

Однако конференция в Генуе 1922 г. ожидаемых результатов не принесла. Правда, Ллойд Джордж в одном своем выступлении вспомнил о Вильнюсском конфликте, назвав его представляющим опасность для мира, и возложил за это ответственность на Польшу. Но дело дальше не двинулось и по той причине, что советская делегация к заявлению британского премьера не присоединилась²⁶. (Как известно, главным достижением советской делегации на Генуэзской конференции был сепаратный договор с Германией, так называемый Рапальский договор, поставивший под сомнение легитимность всей Версальской системы.) Литва оставалась по-прежнему не имеющей признания де-юре от стран Антанты. Утешением для литовцев могло быть лишь то обстоятельство, что признания своих приобретений на востоке не получила и Польша, несмотря на то, что до открытия конференции в Генуе она поспешила законодательно оформить аннексию Вильнюса с прилегающими к нему территориями.

Во второй половине 1922 г. Литве пришлось испытать новое сильное давление, на этот раз со стороны института Антанты, т.н. Конференции послов, в которой главную роль играл французский премьер-министр. А Франция, как известно, являясь главной союзницей Польши. В политике Великобритании тем временем усиливались антисоветские тенденции, и в таком контексте интересы Литвы теряли значение. Конференция послов стремилась заставить Литву открыть транзит по Неману и согласиться с интернационализацией Клайпедского края, в котором главную роль играли бы Франция и Польша. Такие решения на практике означали бы почти полное окружение Литвы польским влиянием.

Но Литве опять удалось вырваться из подготовленной для нее западни. На этот раз своеобразная помощь пришла из-за океана. Летом 1922 г. де-юре от США это послужило весомым моральным подспорьем для литовской дипломатии, отражавшей давление Конференции послов. Другим важным фактором для Литвы служила, как и прежде, Советская Россия. В конце ноября 1922 г. в Каунасе остановился поезд с комиссаром Чичериным, и прямо на вокзале произошел разговор между Чичериным и премьером Литвы Эрнестасом Галванаускасом. Во время этого разговора Литва получила заверение в поддержке со стороны РСФСР в решении Клайпедского вопроса, что стало для литовского руководства ключевым подспорьем для того, чтобы решиться бросить вызов странам Антанты.

²⁵ Lietuvos istorija. Nepriklausomybė 1918–1940 m. (Литовская история. Независимость 1918–1940) T.X. Dalis I. Baltos lankos, Vilnius, 2013. P. 324–360.

²⁶ Справедливости ради можно заметить, что еще до конференции в Генуе советская сторона предлагала Каунасу «согласовать позиции», но литовская сторона желая на это не проявила // Lietuvos istorija. Nepriklausomybė 1918–1940 m. T. X. Dalis I. С.362.

Литовский вооруженный поход на Клайпеду, осуществленный в январе 1923 г., способствовал тому, что Клайпеда фактически оказалась в составе Литвы. Страны Антанты и Польша побоялись использовать силу против Литвы. Однако Литва получила сильный ответный удар в политико-правовом смысле. Тут надо заметить, что литовское руководство не решилось на более согласованные действия с советской стороной. А Конференция послов, убедившись, что между литовским правительством и советской стороной полного взаимодействия не было, 15 марта 1923 г. объявила о признании польской восточной границы. Вместе с тем за Польшей признавался и Вильнюсский край. С этого момента претензии Литвы в отношении Вильнюса автоматически ставили Литву в статус страны – ревизиониста, что практически означало изоляцию на европейской арене²⁷.

Кстати, в литовском правительстве, в первую очередь, в лице Галванаускаса видимо был расчет, что приобретение Клайпеды, при потере Вильнюса, будет способствовать достижению некоего компромисса между Литвой и странами Антанты. Однако, это была иллюзия. Давление на Литву со стороны Запада – и в первую очередь, Польши – продолжалось. А у литовской дипломатии вместо одной серьезнейшей проблемы – Вильнюсской, после 1923 г. появилась и вторая – Клайпедская, из-за которой стали серьезно осложняться отношения с Германией.

Но Литва не сдавалась. Она отказалась признать решение Конференции послов по поводу Вильнюса, отказывалась от каких-либо отношений с Польшей и всеми силами старалась удержать суверенитет в Клайпедском крае. В условиях такого напряжения поведение Литвы принимало странные, иногда причудливые формы. Каждый год 9 октября стал отмечаться как национальный день траура, для каждого литовца была установлена обязанность получить так называемый паспорт Вильнюса, что явилось свидетельством о борьбе за возвращение этого города Литве, организовывались массовые демонстрации к границе, отделяющей Литву от Вильнюса, которая пренебрежительно называлась «соломенной». Вообще, фетишизация Вильнюса в Литве приобретала тотальный характер. Но, думается, дело тут было не столько в какой-то особой строптивости, сколько в интересах национальной безопасности. Литва не могла признать Вильнюс за Польшей, поскольку это означало бы не только прощание со своей исконной столицей, но и – что более важно – отказ от той логики, по которой строилась идентичность национальной независимости. Тем более что Польша по отношению к существующему литовскому государству не собиралась отказываться от сути Рижской формулы, и рассматривала Литву как искусственное и временное явление²⁸.

Конечно, оставался традиционный опекун Литвы – Страна Советов (СССР). Но эта страна по европейским меркам тем более считалась изгоем. И Литве трудно было совмещать реальность своего положения, предполага-

²⁷ Lietuvos istorija. Nepriklausomybė 1918–1940 m. T. X. Dalis I. С.368–415.

²⁸ *Senn A.E.* Lithuania through Polish eyes 1919–1924 // *Lituanus*. 1980. Nr. 1.

ющую ориентацию на Россию, с европейскими ценностями, по которым ориентация на Россию считалась, по меньшей мере, не престижной. С другой стороны, Советская Россия – СССР по сути являлась великой державой, для которой беды маленького государства, каким была Литва, виделись не столько сами по себе, сколько в контексте больших мировых проблем. И цинизм, обусловленный таким видением по отношению к несчастной Литве, все более проявлялся в советской дипломатии по мере роста мощи и влияния СССР.

В этом смысле показательным этапом в развитии Вильнюсского вопроса стал договор о ненападении 28 сентября 1926 г. между Литвой и Советским Союзом. Литва, согласившись идти на двухсторонний договор с СССР, вызвала против себя острейшую критику со стороны большинства стран Европы. Особенно усердствовала Польша, правильно предполагавшая, что в этом договоре будет подтверждено действие Московского договора от 12 июля 1920 г. Литва обвинялась в разрушении единого европейского фронта против большевизма и даже в подстрекательстве к войне. Тем временем советская дипломатия, с одной стороны, не желая усложнять положение Советского Союза на мировой арене, но с другой – понимая, что Литва решила на договор, лишь гонимая Вильнюским интересом, попыталась выйти из положения, применив софистическую изворотливость.

После долгих советско-литовских переговоров советская сторона, казалось бы, пошла на существенную уступку пожеланиям Литвы. В приложении к договору о ненападении появилась очередная нота Чичерина, изначальная цель которой заключалась в разъяснении, чье право на Вильнюс советское правительство признает. Однако на деле формула ноты оказалась двусмысленной. Там, после лестных слов в отношении литовского народа и выраженного пожелания видеть этот народ независимым, далее говорилось так: «...Союзное Правительство заявляет, что фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли литовского народа, не поколебало его отношений к территориальному суверенитету, определенному статьей 2 и примечанием к ней мирного договора между Россией и Литвой 12 июля 1920 г.»²⁹. Из текста следовало, что сам литовский народ признает свои права на определенную территорию. А советское правительство лишь констатирует то, что этот народ признает.

Конечно, сам факт ноты Чичерина свидетельствовал о продолжении существования Вильнюсской проблемы. А это означало вызов решению Конференции послов от 15 марта 1923 г. Также, нота свидетельствовала и о признании существования этой проблемы Советским Союзом. Все это было важно для Литвы. Тем не менее, дипломатическая форма этого свидетельства в контексте отношений Литвы и СССР явно намекала – кто есть кто³⁰.

²⁹ Документы внешней политики СССР. Т.9. Москва, 1964. С. 448.

³⁰ *Kasparavičius A. Didysis X Lietuvos užsienio politikoje. 1926 metų Lietuvos ir Sovietų Sąjungos nepuolimo sutarties sudarymo analizė* (Большой X в литовской внешней политике. Анализ советско-литовского договора о ненападении 1926 г). Vilnius, LII, 1996.

В прочем, и Польша в этом смысле вряд ли добилась чего-то более весомого. Поскольку для польской дипломатии нота Чичерина являлась очень неприятным событием, она добивалась дезавуирования этой ноты. Отчасти, ей это удалось. 5 мая 1934 г., при продлении советско-польского договора от 1932 г., обе стороны заявили, что не имеют никаких обязательств и не связаны какими-либо заявлениями, которые противоречили бы Рижскому договору и особенно его 3 статье (где повторялась известная формула о Литве). Далее от имени СССР подтверждалось, что «нота Чичерина от 28 сентября 1926 г., врученная литовскому правительству, не может быть интерпретирована таким образом, будто бы она имела цель вмешательства советского правительства в урегулирование территориальных вопросов, там упомянутых»³¹. Итак, по сути это означало то же самое, что и по формуле в ноте Чичерина – что польско-литовский спор остается не решенным, что вполне удовлетворяло Советский Союз. А Польша, наверное, все еще рассчитывала, что Рижская формула рано или поздно обретет свою плоть.

Правда, после 19 марта 1938 г., когда Литва приняла ультимативное требование Польши установить дипломатические отношения, могло казаться, что дело двинулось в направлении польских расчетов. В самой Литве принятие польского ультиматума воспринималось как моральная капитуляция. По сути, это было началом конца независимости³². Показательно, что на следующий день после получения польского ультиматума литовскому послу в Берлине были прочитаны ультимативные требования в отношении Клайпеды³³. Однако процесс, который с середины тридцатых годов возобладал в Европе, часто называемый «умиротворением», который, по существу, означал новый масштабный поход Запада на Восток – не сулил ничего хорошего и самой Польше.

Вскоре Вильнюсский вопрос стал решаться в контексте мирового столкновения. Правда, сначала литовский фактор учитывался. В секретном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., где указывалось, что Литва переходила в зону влияния Германии, было такое добавление: «интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами». Нацистское руководство, видимо, рассчитывало, что Литва, воспользовавшись нападением Германии на Польшу, попытается овладеть Вильнюсом и таким образом сама фактически перейдет на сторону Германии. Но литовское руководство не попало на эту удочку, и Литва оставалась нейтральной. 19 сентября Вильнюс был занят Красной армией. Литовская сторона незамедлительно стала интересоваться судьбой Вильнюса у советского

³¹ *Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. T. II. Instytut Wydawniczy Pax, Warszawa, 1996. С. 56.*

³² *Lietuvos ir Lenkijos diplomatiniai santykiai 1938–1940 metais. Dokumentų rinkinys. (Литовско-польские дипломатические отношения. Сб. документов.) Sud. A.Kasparavičius, P. Libera. Vilnius, LII, 2013. Р. 7–41.*

³³ Сообщение в Каунас посла Литвы в Берлине Ю. Шаулиса от 29 марта 1938 г // ЦГАЛ. Ф. 383. Оп. 7. Д. 2048. Лл. 327–329.

правительства. В это время Германии пришлось согласиться на переход Литвы в зону советского влияния. Это и было оформлено советско-германским секретным протоколом от 28 сентября 1939 г. Далее, Вильнюс с прилегающей к нему территорией был передан Литве по договору о взаимопомощи между Литвой и Советским Союзом от 10 октября 1939 г.³⁴

Конечно, Литве за возвращение Вильнюса пришлось согласиться на размещение в ее территории советских военных баз. Но литовское правительство ставило свою подпись под упомянутым договором не только под давлением Москвы. Немаловажно и то, что передача Вильнюса приветствовалась и в Берлине. И даже из Лондона слышались отзывы понимания и одобрения. Ведь, как ни как, а в новой линии разграничения между Литвой и СССР нетрудно было узнать прототип линии Керзона 1920 г. Тем более, что в то время для западных стран вновь стала возрастать потребность в связях с Россией. А что уж говорить о той ни с чем несравнимой эйфорией в Каунасе, с которой там воспринималось известие о возвращении Вильнюса. Поэтому, вряд ли следует думать о какой-то иной, и хоть, сколько более реальной, альтернативе договору между Литвой и Советским Союзом от 10 октября 1939 г.³⁵

* * *

На этом можно было бы закончить статью, поскольку мы подошли к моменту, когда Вильнюс обрел свое как бы геополитическое предназначение. И временные рамки, очерченные названием статьи, как бы исчерпались. Однако для жителей Вильнюса и его края запрограммированные в этот период процессы только начинали набирать ход. После прихода в Вильнюс литовских властей сразу начались беспорядки. Почти полумиллионное польское население г. Вильнюса и края новые власти рассматривали как временный и недостойный уважения фактор. Это население не только не собиралось подчиняться литовским властям, но даже питал надежду, что именно Вильнюс станет очагом возрождения польской государственности. Начавшиеся репрессии со стороны литовских властей польскую строптивость приглушили, но напряженность в крае только накалялась³⁶. Таким образом, многогранно усилившейся конфликт двух национализмов в Литве, по существу, вел к развалу литовской государственности. В такой ситуации замена националистической основы государства на социалистическую, за что ратовали левые силы

³⁴ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Том I: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 г.г.). Сборник документов [составители А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева], Vilnius: LPI I, 2006. С. 131, 181–183, 212, 253–256.

³⁵ Lietuvos istorija. Nepriklausomybė 1918–1940 m. T. X. Dalis II. Vilnius, LII, 2015. P.513–529.

³⁶ Laurinavičius Č. Litewska polityka narodowościowa na Wilenszczyźnie w latach 1939–1940 // Stosunki etnicznie podczas wojny i okupacji. Białystok i Wilno 1939–1941 – 1944–1945. Białystok, 2011. P. 33–64. Следует иметь в виду, что в Литве и без Вильнюсского края жило немало поляков (их подсчеты разнятся – от 60 тыс. до 200 тыс.). К тому же, с осени 1939 г. в Литве прибывало около 15 тыс. интернированных польских солдат и примерно около 25 тыс. беженцев из Польши.

Литвы, теоретически, возможно, способствовала бы сохранению не только территориальной целостности, но и политической суверенности Литвы³⁷. Но о такой возможности можно только гадать.

С середины 1940 г., в связи дальнейшим ужесточением глобального конфликта, фактор маленького народа стал приравниваться к роли игрушки. Тем не менее, формально этнографический принцип соблюдался. На конференции в Тегеране в 1943 г. руководители западных стран и Советского Союза согласились на линию Керзона. Они также согласились, что Польша должна получить территориальную компенсацию на западе за счет Германии, и что польское население с восточных крессов следует переселить на запад от той же линии Керзона³⁸. Наконец, руководители США и Великобритании не возражали и по поводу перехода под советский контроль всей давней территории Малой Литвы с Клайпедой и с Кенигсбергом. Все это очень напоминало контуры намечаемых территориальных переустройств периода Первой мировой войны. Только на этот раз, признавая Литву геополитически в сфере влияния Советского Союза, США и Великобритания отказались то же самое сделать и юридически. Как тут не разглядеть своеобразное продолжение прецедента Рижского договора. Только на месте Польши теперь уже оказался Советский Союз, а его роль заняли страны Запада.

В итоге Второй мировой войны Литва оказалась без политической свободы, но в основном объединенной в своих этнографических границах, с г. Вильнюс и Клайпеда. Такой вывод был логическим в том смысле, что гарантировать Литву с Вильнюсом и Клайпедой мог только Советский Союз, а воображение Литвы без этих городов выходило за рамки логики.

Вследствие Второй мировой войны сильно изменился национальный ландшафт Литвы. В период нацистской оккупации в г. Вильнюсе, как и во всей Литве, была уничтожена почти вся еврейская община. После войны г. Вильнюс покинуло большинство польского населения. Из Литвы также исчезло немецкое население. От советских репрессий пострадало около 15% литовского населения. Но, как показала дальнейшая история, литовский народ и при советской власти смог развиваться, и в конце XX века он вновь обрел суверенность. Теперь нет спора ни по поводу Вильнюса, ни по поводу Клайпеды. По крайней мере, официально. Осталась лишь память о том, что было, и что исчезло.

* * *

Итак, ретроспективный взгляд от сегодняшних реалий на весь период эволюции Вильнюсского вопроса наводит на два противоположных вывода. С одной стороны, несомненно, что национальная ориентация литовцев спо-

³⁷ Lietuvos istorija. Nepriklausomybė 1918–1940 m. T. X. Dalis II. P.526, 566–568.

³⁸ *Stravinskienė V. Tarp gimtinės ir tėvynės. Lietuvos SSR gyventojų repatriacija į Lenkiją* (Между родиной и отчизной: Репатриация жителей ЛССР в Польшу) (1944–1947, 1955–1959). Vilnius, LII, 2011. P. 97–98.

способствовала преодолению отставания, и сегодня литовцы – вполне современный народ. В этом смысле литовский опыт наверно можно считать успешным и даже стоящим подражания. Однако сомнительно, что национальная ориентация литовцев хоть сколько-то способствовала уменьшению влияния имперского начала. Сомнительны также перспективы сохранения мира в регионе. Только это уже другая тема.